

Оксана Горошкина

У КРОМКИ ЛЕТА

Красноярск 2018

ББК 84(2=411.2)-5
Г70

*Автор выражает благодарность
Министерству культуры Красноярского края,
Государственной универсальной
научной библиотеке Красноярского края
и организаторам поэтического состязания
«Король поэтов — 2018»
за предоставленную возможность
издания этой книги.*

Горошкина, О. С.
Г70 У кромки лета : стихотворения / О. С. Горошкина. — Красноярск : ИП Феньков С. С., 2018. — 40 с. — (В кассете «Король поэтов: Поэзия новой волны»)

ББК 84(2=411.2)-5

Редактор Лысенко В. К.
Корректор Сусикова П. М.
Вёрстка Феньков С. С.
Обложка Лысенко В. К.

© Горошкина О. С., 2018. Все права защищены.
© Феньков С. С. и его лицензиары, 2016.
Все права защищены.

ISBN 978-5-6041610-5-0 (отд. кн.)
ISBN 978-5-6041610-3-6

* * *

Я помню,
как в детстве
мы с мамой пекли печенье.
Круглые солнышки выплывали из духовки.
Теплые, с неуловимым запахом ванили.
Я брала их в ладони
горстями
и согревалась.

И, казалось,
холода уходили.
И таяли снега.

У бабы-яги была одна костяная нога.
А одна была — живая.
И чувствовала,
не переставая.

А потом прошли годы.
Растаял запах ванили.
А снег не растаял.
Он продолжает быть.

* * *

Потягивая вечером кефир,
Гляжу в себя — заученные дали...
Вот мы и вышли. Вот мы и устали.
А раньше нам был тесен целый мир.

Саднит октябрь, от форточки сквозя.
Садится пыль веков на занавески.
Предчувствия и звуки слишком резки.
Не вспоминай. Не двигайся. Нельзя.

Судьба не опрокинет — повезёт.
Работа, дом, семья, опять работа...
И даже в глубине тихонько что-то
Не гложет. Неужели, это всё?

* * *

Мы сидим, до упора открыв окно.
Ветер сободем льнёт к щеке.
В брюхе рыбины, стонущей и стальной,
Мы плывём по шоссе-реке.
Ты твердишь, что нас ждёт вон за той горой
Возвращение теплоты.
Я смотрю за окно. За окном прибой,
Камни, травы, кусты, кусты.
А шоссе-река тяжела, как вздох,
И долга, как моя тоска.
На приборной панели бельмом засох
След от солнечного плевка.
К безмятежно молчащим вдали холмам
Отползает мохнатый лес.
Закрываю глаза — и съедает тьма
Нас с тобою и берег весь,
Наделяя живое одной чертой —
Узнаваньем по шепотку:
«Обними меня, море, залей собой
Опустылевшую тоску».

* * *

От тебя не уйдёшь, не скроешься
Ни в Тибете, ни в декабре,
Не запрячешься в море корюшкой
И собакою в конуре.
Всё равно ты торчишь безжалостно
Из межрёберья, как копьё.
В нервный узел под сердцем сжалось, но
Всю меня заполняешь жадностно,
Горе горькое ты моё...

* * *

*...И море отступает, каждый раз
Бесстыдно оголив
песочность кожи...*

Наталья Самотой

Что море? Отступает каждый раз
И каждый раз немедля приступает,
Сгоняя с мокрой гальки птичьи стаи,
Вгоняя в берег бешеный экстаз...

Врастая в сны и мысли по чуть-чуть,
Оно, как время, ни черта не лечит,
Но обнимает бережно за плечи,
Холодной рукой ласкает грудь.

«Я — истина, испей меня до дна!» —
И, лунной чашей зачерпнув полмира,
Мне небо пропоёт негромко: «Вира!»,
Но — «Майна!» — властно скажет глубина.

* * *

Без лишней драмы и без претензий
Пиши о том, что тебя не ранит:
Вот жук уселся в букет гортензий,
Вот сад цветущий покоем зálит.

А душею ночью в безлунной гуще,
Забившись в угол, обняв колени,
Тверди бездумно: «Вот жук цветущий,
Вот сад уселся в букет сирени.»

* * *

Смерть начинает где-то с тридцати
Маячить, невпопад играть словами,
По пьяни не друзьям звонить, а маме
И в телефон рыдать: «Прости... Прости...»

Не в лоб, а деликатно, в мелочах
Проявится отчетливость кончины —
В изгибе свеженайденной морщины,
В серебряных пометках на висках.

И кажется: ты молод и силён,
Испробовал любовь, познал ей цену.
Но над тобой лихие перемены
Уже висят дамкловым мечом —

И ты стоишь под лупой. На весы
Помещены дела твои и строчки.
И время ужимается не в точку,
А в остриё наточенной косы.

* * *

Можешь рукой утюжить её колена,
Можешь рвать глотку, истину возлюбя, —
Время придёт — коварно и неизменно.
Время придёт к тебе и возьмёт с тебя.

Можешь, смотря под ноги, тащиться мимо
Лунного света, ряби речной, рябин...
Время придёт однажды неотвратимо —
И не уйдёт от времени ни один.

Можешь в бетонном панцире безмятежно
Жизнь коротать — с любовью и без любви.
Время придёт — бессовестно неизбежно.
Что ты ответишь времени, визави?

* * *

Рождённый быть никем — не станет всем.
Он невесом, не начат и неточен,
Как гулкое пространство междустрочья
В бескомпромиссной толкотне лексем.

В нём нет беды и, в общем, нет вины,
А лишь одна бездейственность нагая.
Но, если звёзд почти не зажигают,
Возможно, эти звёзды не нужны?

И дело в том, чтоб просто так стоять,
Не совершая ни броска, ни шага —
Прозрачным, как вощёная бумага.
Пустым, как нераскрытая тетрадь.

* * *

Разбрасывать
камни
весело,
Пока тебе только двадцать.
Разбрасывай камни.
К пенсии
Будет чем заниматься.

НИКТО НЕ УМЕР

Давай представим в порядке фарса,
В порядке бреда, бадьи с лапшой:
Случилось что-то — и в нашей сказке
Никто не умер. Всё хорошо.

Жиреют принцы: казна, корона,
Охота, девки, пиры, кровать...
Зачем пытаться убить дракона?!
Ведь можно просто не умирать!

В высоком замке сидит принцесса:
Томится, плачет — совсем одна.
Никем, кто вышел с конём из леса,
Она, конечно, не спасена,

И дни проходят без толку, то бишь,
Подобно водке сквозь решето,
Ведь в нашей сказке (ну, ты же помнишь!)
Никто не умер. Совсем никто.

В расход пуская сараи, фуры,
Дома, деревья, — да всё подряд! —
Летает в небе дракон понурый
(Совсем не мёртвый летает, гад).

Пытать удачу к большой дороге
Выходит каждый — и стар, и мал, —
Ведь смерти нету, и можно много
Тому, кто в жизни не умирал.

Как будто резко врубился тумблер,
И счет безумный уже пошёл.
Но в нашей сказке никто не умер,
И, значит, в целом — всё хорошо.

* * *

Если бы мне сейчас быть бестолковой рыбой
Там, где придонный ил воду целует властью,
Где равнозначен день ночи, и не могли бы
Пение птиц — звучать,
солнечный свет — упасть...

Если бы мне сейчас в многометровой толще
Чувствовать, как близка, как ощутима тьма,
Что никаких штормов не существует больше
И как легко покой может свести с ума...

Мне же дано одно — быть бестолковой бабой,
Робко морской песок трогать босой стопой,
Долго на берегу чей-нибудь ждать корабль,
Чувствуя привкус слов — истинный, солевой,

И, наконец, понять, глядя, как с ветром спорит
Чайка, и как прибой лижет мои следы,
Что, отрицая шторм, я убиваю море,
Суть его низводя до лужи простой воды.

* * *

И больше уже не правит
упрямая злость парадом,
не манит скорей сбежать
в немислимые чертоги —
ведь тот, кто остался рядом,
тот,
кто остался рядом,
становится целым миром
в итоге.

* * *

Чёрен чифир за прозрачной стеной окна.
Поезд легонько качается — стук да стук.
Столь неумная сила заключена
В чутких объятиях маминых нежных рук —

Мир замирает! И не убоишься зла,
Будто и зла никакого в помине нет.
Месяц дрейфует чайнкой в плену стекла.
В банку купе наливается тёплый свет.

Сколько хватает глазу — простор, простор!
Поезд легонько качается — цок да цок.
Пульсу подобный мистический наговор
Мерными точками падает между строк.

Сколько хватает сердцу — покой, покой...
Неосторожно разлитый на сотни миль,
Гладит железный бок золотой волной,
Между собой перешёптываясь, ковыль.

* * *

Снег падает.
Выходит человек
из темноты сгустившейся подъездной.
Он в темноте —
беспомощен, нелеп.
Но здесь его
не накрывает бездной,
и человеку дышится легко
и сладостно,
Как будто бы впервые
снег падает.
Ныряют в молоко
поступки, постулаты, позывные...
У тротуара мнутся фонари.
Их долгий свет —
как божий дар на взводе.
Не нарушай гармонию.
Смотри:
снег падает,
а человек — выходит.

* * *

Варится борщ.
Тесто подходит.
Мясо томится.

В деле большом
Проводов лета
Всё пригодится.

В вазе — цветок.
В блюде — печенье.
В чайнике — мята.

Об остальном —
Думаю завтра.
Думаю завтра.

* * *

Рассыпайся по городам,
По затынутым пылью книгам.
Рассыпайся по снам, интригам,
По любимым тобой стихам.

Рассыпайся, как снег зимой,
По суровым и добрым лицам.
Оставляй от себя крупички
В каждой луже на мостовой.

Рассыпайся, рисуя нимб
Над неловким дрожаньем свечек...
А потом — в самый тихий вечер —
Стань единым. И стань одним.

* * *

«Будьте как дети» —
И тянутся липкие руки
К вишне огромной, манящей невероятно.

«Будьте как дети» —
И верится: лапка у мухи,
Если назад приложить, — прирастает обратно.

«Будьте как дети» —
И бантик весёлой ромашкой,
С прядью сцепившись, преследует всюду тебя.

«Будьте как дети» —
И ты над разбитой чашкой
Плачешь, как будто сегодня разбилась судьба.

УТРЕННИЙ ЭСПРЕССО

У тебя
такие маленькие,
аккуратные руки,
что иногда
мне хочется
быть ноготком
на твоём мизинце,
чтобы,
пригубив
утренний эспрессо
из белой фарфоровой чашечки
в летнем кафе,
ты изящно
отставляла меня в сторону
и флиртвала
вон с тем брюнетом.

Так жаль,
что ты
не любишь кофе.

* * *

Жар проникает в тело до костей,
сметая к чёрту планы и гостей,
чтоб отступить на время только утром.

Потом по позвонкам сползает вниз,
и позвонки, похожие на низ-
ку бус, покрытых тусклым перламутром,

под кожей шевелятся, как кроты,
копая в глубь до вечной пустоты, —
как будто в ней ответ на все вопросы.

Вселенная вдруг хрустнет, как орех, —
и в эту щёлку подглядеть не грех,
ведь всё забудешь завтра утром, в восемь.

* * *

Я опускаю ноги в мокрый густой песок —
И электроды земли впиваются мне под кожу.
Всё. Я теперь не женщина.
Я — голубой цветок.
Впрочем, сегодня это одно и то же.

Солнце бурлит по венам —
 вот теперь моя кровь.
Я состою из света, мёда и хлорофилла.
Цепко лодыжки держит тонкий земной покров.
Лишь бы земля меня больше не отпустила...

* * *

Весна прорастает сквозь лето в осень...
Елена Крылова

Весна прорастает сквозь будни корнями —
как змей проползает в забытые гнёзда,
как небо срывается в лужи кусками,
как в вену больного вторгается воздух.

Весна прорастает сквозь сердце костями —
кроваво, бессмысленно, необратимо.
Так сквозь черновик прорывается пламя.
Так я прорастаю стихами твоими.

* * *

I

О, как это просто — немисливо просто:
Пустые бутылки. Крылатые звуки.
Недостоянство. Ответы-вопросы.
Усмешкою циника связаны руки.

Шершавые поручни. Красочный вечер.
Закат где-то справа. А слева — машины.
Нелепое платье. Случайная встреча.
Чужие глаза у чужого мужчины.

Раздутая вежливость. Слов камасутра.
Бардак перманентный. Кровать. Поза трупа.
Одежда на стуле. Надежда на утро.
Как всё это глупо... Немисливо глупо.

II

О, как это сложно — немисливо сложно:
Себя не предать и себе не перечить.
Не верить неверию. Гордость стреножив,
В чужом вдруг увидеть знакомое нечто.

Болтать о погоде. Смеяться как дети,
Себе повторяя, что будет иначе.
Увлечся. Увлечь. Прикоснуться. Заметить,
Как пульс перешел из аллегро в виваче.

Смутиться. По дрожи предательской в пальцах
Понять, что отныне совсем безоружна.
Не жаждать побега. Уже — не бояться.

Как всё это нужно. Немисливо нужно.

* * *

Вереском розовым, солодом-золотом
Переброжу — стану терпкой, пьянящею.
Сделай глоток меня. Чувствуешь, молодо-
Зелено? Это твоё настоящее!

Сделай глоток меня — жадно, бессмысленно:
Если помедлишь, уступишь сомнению —
Разом закончусь я, разом я выплеснусь,
Будто в проталины — солнце весеннее.

Вереском розовым в маленькой гавани
Выросла дерзкому ветру навстречу:
Солнца тепло во мне.
Радость дождя во мне!

Сделай глоток меня.
Чувствуешь? Легче...

* * *

Луна плывёт медузой за бортом.
Ночь ловит нас ленивым влажным ртом —
Но мы с тобою падаем на спины
Огромных неподатливых китов.

Так в каждом пробуждается любовь
И нас уносит по волнам на льдины.

Попробуй научиться у кита
Доверию, а после — испытай
Желание, которое свободно,
Как плаванье. Прими его легко —
Пусть пенится морское молоко,
Пускай оно урчит, как зверь голодный.

Отчаянье — привычная цена
Для тех, кому отсюда не видна
У горизонта ледяная глыба.

Но если глыбы не было и нет?
А только есть луны спокойный свет
И звезды — будто маленькие рыбы...

* * *

И вот я, маленькая такая,
В неутолимом моём бреду
Не жду погоды, весны, трамвая —
Уже вообще ничего не жду.

Пунктиром смазанным, смутной точкой
Лечу, не думая ни о чём,
Чтоб бестолковую жизнь окончить —
Пятном на встреченном лобовом,

Засохшим панцирем в паутине,
Кругами мелкими на воде...
Любая мошка однажды сгинет,
Никто не вспомнит, когда и где.

И вот, когда нестерпимо тошно
Себя подбадривать, тормозить,
Ты укрываешь меня ладошкой
И говоришь мне:

«Дыши. Дыши.»

И я дышу, до конца не веря
В покоя временный паритет.
Ничто не светит в конце тоннеля —
Во мне рождается этот свет.

Он разгорается: ярче, чище,
Смелее, яростнее. И вот,
Когда никто ничего не ищет,
Когда никто никого не ждёт,

Когда на целой небесной плоске
И жалкой звездочки не найти...

Ты поднимаешь меня в ладошке
И говоришь мне:
«Лети! Лети!»

* * *

Обруби сплеча — спьяну, сгоряча, —
Что прожил крича, что не смог начать.
Оботри печаль с лезвия меча
И на боль свою наложи печать.

Знают сто из ста: всё излечит сталь.
Пусть душа пуста — не бросай поста.
К холоду креста приложи уста
И начни дышать с чистого листа.

* * *

И приходит слово. Оно как солнце:
Закипает, жалит, наружу рвётся,
Затяжным каскадом фотонных порций
Пёстрых мыслей взбивая взвесь.

Иступлённо буквы-протуберанцы
Изнутри буравят защитный панцирь.
Это время выйти на свет. Признаться:
Я живая ещё. Я есть.

* * *

Вот что бывает с болью твоей, когда
Звуки глотает мысленная вода,
И накрывает морок — и подаёт
Тысячи тысяч килостихов на вход.

Вот что бывает: жадно к земле припав,
Небо вбирает сладость июньских трав;
И проливает месяц бесплотный мёд
В руки деревьев — и из ладоней пьёт.

Вот что: в окружность неба, как в лупу, взят —
Тысячи тысяч сверху в тебя глядят —
Трелью сверчковой к лугу примят, лежишь.
Но — бессловесье. И безмятежье лишь.

* * *

Август пахнет мятой и базиликом,
Восполняя силы мои на треть.
В нём — таком бесхитростном,
безъязыком —
Я могла б, состарившись, умереть,

Затеряться в ветках усталым ветром,
Затаиться в травах сухим репьем...
Но сижу у самой у кромки лета,
Нарушая галечный окоём,

Ожидая финиша всех историй —
Места, где сюжетная рвётся нить,
Где герой выныривает из боли,
И мне больше не о чем говорить.

СОДЕРЖАНИЕ

«Я помню, как в детстве...»	3
«Потягивая вечером кефир...»	4
«Мы сидим, до упора открыв окно...»	5
«От тебя не уйдёшь, не скроешься...»	6
«Что море? Отступает каждый раз...»	7
«Без лишней драмы и без претензий...»	8
«Смерть начинается где-то с тридцати...»	9
«Можешь рукой утюжить её колено...»	10
«Рождённый быть никем — не станет всем...»	11
«Разбрасывать камни...»	12
Никто не умер	13
«Если бы мне сейчас быть бесполой рыбой...»	15
«И больше уже не правит...»	16
«Чёрн чифир за прозрачной стеной окна...»	17
«Снег падает...»	18
«Варится борщ...»	19

«Рассыпайся по городам...»	20
«Будьте как дети...»	21
Утренний эспрессо	22
«Жар проникает в тело до костей...»	23
«Я опускаю ноги в мокрый густой песок...»	24
«Весна прорастает сквозь будни корнями...»	25
«Это самое чувство, когда ты как будто жив...»	26
«Вот твой стол, вот тумбочка и кровать...»	27
«О, как это просто — невысказанно просто...»	28
«Вереском розовым, солодом-золотом...»	30
«Луна плывёт медузой за бортом...»	31
«И вот я маленькая такая...»	32
«Обруби сплеча — спьяну, сгоряча...»	34
«И приходит слово. Оно как солнце...»	35
«Вот что бывает с болью твоей, когда...»	36
«Август пахнет мятой и базиликом...»	37

Сдано в набор 25.10.2018.
Подписано к печати 22.11.2018.
Формат 60×84¹/₃₂. Усл.п.л. 1,17.
Печать трафаретная.
Заказ № 165. Тираж 300 экз.

Изготовлено в типографии ИП Феньков С. С.
ОГРНИП 304246333500051
г. Красноярск, ул. Партизана Железняка, 18
тел. (391) 294-85-78, 214-28-68, 229-52-51
E-mail: info@semycvet.ru
Официальный сайт: www.semycvet.ru